

БАКТЕРИАДА

Песнь I.

Муза, воспой чудеса сокровенного мира, который,
Скрытый от смертного ока, пространство собой наполняет –
Реки, леса и поля, и могучее царство Нептуна,
Мрачные тени Аида и горную высь Олимпийцев,
Воздух, где веет Зефир и свирепствует сила Борея,
Самое тело людей, сотворенных по воле Сатурна,
Все укрывает в себе мириады чудесных бактерий.
Долго они оставались совсем неизвестными смертным.
Царства Зевеса сменило блаженное время Сатурна.
Самые боги исчезли по воле безжалостной Мойры,
Царства свергались во прах, вместо них возникали другие,
- В тщетном стремлении к свету катились века за веками –
Смертным по-прежнему тайною мир оставался микробов.
Правда, в семнадцатом веке, уже Loevenhuck богоравный,
Мудрый голландский ученый, при помощи стекол чудесных,
Первый узрел их и миру поведал великую тайну –
Есть бесконечность в великом, но есть бесконечность и в малом.
Muller, Lamarck, Ehrenberg и другие герои науки
Также не раз созерцали бацилл, спирохет, вибрионов.
Все же они оставались для смертных загадкою Сфинкса.
Тут-то среди праха детей появился Pasteur богоравный
Был его гений научный могуч, как десница Геракла,
Ум его быстр и отважен, как сам Ахиллес быстроногий,
Доблестью славный своею среди пышнопоножных Ахейн.
Муза, напомни деянья премудрого мужа Pasteur'a,
Вспомни работы его о чудесном процессе брожения,
О произвольном рожденьи, болезнях червей шелковичных,
Язве сибирской, и помни, что в этом божественном духе
Мысль зародилась впервые о роли бактерий в болезнях,
Тем, чем бы был для Ахейн сам пастырь племен Агамемнон,
Если б он был хитроумней Улисса, отважней Ахилла,
Тем был премудрый Pasteur богоравный для нашей науки.

Песнь II.

Так, как герои Эллады под стенами града Приама
Целые годы пытались разрушить священную Трою,
Так, как Улисс хитроумный ломал себе голову долго,
Средства стараясь придумать проникнуть во град Илиона
- Так и ученые долго старались добиться решенья
Трудной задачи своей – получения в чистой культуре
Разных бактерий. Но Зевс им послал хитроумного Коха.
Кох разрешенья вопроса достиг с простотой гениальной.
Он засекает бактерий различных на плотные среды,
Кои влияньем тепла превращаются в жидкость и после
Вновь застывают, едва прекратится влиянье Плутона,
Тут одинокий зародыш, от братьев своих отделенный,
Множиться быстро начнет, повинуюсь веленью природы –
Все же потомки его остаются вокруг дряхлого деда,
Давшего целой колонии искру божественной жизни,
Ей передавшего с жизнью свои характерные свойства.
Кто не видал тех колоний, не может понять, как прекрасны
Их очертанья бывают, и сколько гармонии дивной
Всюду рассеяно щедро в владеньях таинственных Пана.
Так, как премудрый Эдип, повинуюсь велениям Мойры,
Сфинкса загадку решил, чтобы Фивы родные избавить,
Так и божественный Кох пред чудовищным ликом чахотки
Тайну исторгнул ее, описавши ту палочку злую,
Коя, как мрачная Атропос, путь человеческой жизни
Так прерывает жестоко и мир населяет страданьем.

Песнь III.

Волею Зевса назначен особый для каждого жребий –
Светлые боги Олимпа живут на свободных вершинах,
В мрачных глубинах подземных таится Плутон с Прозерпиной,
Грозный Нептун обитает в пучинах шумящего моря,
В чаще зеленой лесов укрываются робко Дриады –
Так же различен удел и для каждого вида бактерий.
Многие мирно живут в беспредельных владениях Пана –
В воздухе, почве, воде, на поверхности разных предметов –
Смертным они безопасны, от смертных же гибель приемлют.
Тихо они прозябают в своем сапрофитном покое,
Чужды страстям кровожадным, не ведая грозных токсинов,
Мирно питаюсь азотом, водой, углеродом и серой,
Как Филемон и Бавкида питались медом и млеком.
Как непохожа на этих могучая рать патогенных!
Грозно они осаждают всегда организм человека –
Чуть ослабеет защита, иль дверь приоткроется в крепость,
Рать патогенных ворвется с щитами своих агрессивов,
Так, как Ахейцы ворвались чрез стены Троянские в город,
Чуть была сделана брешь наущеньем коварным Синона.
Многие виды бактерий в животном тепле погибают
Так, как от стрел Аполлона семья Ниобеи надменной;
Виды другие, напротив, в тепле умножаются быстро,
Словно под Феба лучами дары благодатной Цереры.
Большая часть этих видов нуждается в воздухе вольном –
Их кислород услаждает, как нектар семью Олимпийцев –
Сим жизнерадостным видам название дано аэробов.
Мрачные анаэробы боятся свободного духа
Так, как угрюмый Харон лучезарного Феба боится.
Мрачно таятся они, размножаясь в глубинах агара,
Иль в водородной струе, или в вакуо, полном унынья.
Там эти дети Эреба растут человеку на гибель –
Грозный бацилл столбняка, вибрион гнилокровия злобный,
Также бацилл botulism`a, perfringens и много подобных,
Так же терзающих смертных, как рой Эменид беспощадный,
Мстящий за мать – Клитемнестру, терзал Агамемнона сына.

Песнь IV.

Многоразличны черты у бессмертной семьи Олимпийцев –
Полон величия облик у тучегонителя Зевса,
Юной отвагою дышат черты молодого Гермеса,
Мрачный Гефест хромоногий угрюмо глядит исподлобья,
Ярко блестит Афродита своей красотой лучезарной –
Так же различен и облик у видов различных бактерий.
Виды одни шаровидны, как лик серебрястой Дианы,
Тихо глядящий с небес на Эндимиона в покое.
Кокками их называют, и все они схожи друг с другом
Так, как в Нептуновом царстве шумящие волны похожи.
Кокки иные всегда одиноко и мрачно блуждают,
Так, как чуждаясь друг друга, циклопы живут по пещерам.
Сколь умиляет, напротив, отрадный пример диллококков:
Словно Пирам и Тисбе, прилепившись навеки друг к другу,
Вместе живут они век свой и вместе они умирают.
Мирно прожив свою жизнь, не ища и не зная разлуки –
Смертным же, волею Мойры, отказано в радости этой.
Кокки иные живут многочисленной дружной семьей –
Часто они образуют красивые группы, как гроздь,
Те, что венчают чело богоравного сына Семелы:
Стафилококками их называют ученые люди.
Коккам другим суждено походить на жестокие цепи,
Коими грозный Зевес, и людей, и богов повелитель,
В гневе своем беспощадном к скале приковал Прометея.
Их – стрептококки – названье, и целою цепью болезней
Бедное смертное племя к страданью они приковали.
Виды другие, напротив – бациллами их называют –
Палочек облик имеют – одни грациозны и тонки,
Как синегнойный бацилл, fluorescens бацилл дифтерита,
Многие ж виды бацилл неуклюжи и толсты бывают,
Словно веселый Силен, воспитавший прекрасного Вакха.
Часто из скромных бацилл вырастают длиннейшие нити,
Или волнистые, словно Медузы ужасные змеи,
Или ж такие, как ветви деревьев мног шумного леса.

Песнь V.

Муза, воспой патогенных из группы *Bacterium coli*,
Кои бесчисленной ратью толпятся вокруг смертнорожденных
Так, как вокруг Илиона толпа кораблей Мирмидонских,
Гибель несущая Трое и скорбному дому Приама.
Самый *Bacterium coli* наименее прочих опасен –
Чуть только смертнорожденный узрит Аполлона сиянье,
Тотчас *Bacterium coli* в его проникает кишечник,
С ним неразлучным бывает, пока, по велению Мойры,
Мрачная Атропос быстро нить жизни его перережет.
В темных глубинах кишечных они размножаются быстро
И, покидая свое обиталище, сотнями тысяч
В почву, и в воздух, и в воды – повсюду они проникают.
Если в воде или в почве узрит его смертного око,
В нем оно вестника видит, гласящего близость фекалий.
Многие дивные свойства его отличают от видов,
С коими свойства другие *Bacterium coli* сближают –
Так, когда мать-Афродита являлась сыну-Энею,
Смертной принявши черты и во всем уподобившись смертной,
Дивной походкой ее обозначилась тайна богини.
Так и *Bacterium coli* по внешнему виду подобен
Многим и многим видам, обитающим воды и воздух –
Стоит однако его поростить на питательных средах,
Кои содержат маннит или сладостный сахар молочный,
Тотчас же в недрах среды порождаются некие газы,
Вверх устремляются бурно, как пена валов многошумных,
Кои рядами встают на поверхности грозного моря –
В недрах среды углеводной свершается тайна брожения.
Если ж *Bacterium coli* в среде, содержащей пептоны,
Рок развиваться судил, то и здесь он не сможет укрыться –
Быстро его выдает и наличность, и запах индола...
Многое можно б еще рассказать о *Bacterium coli*,
Вечном товарище смертных, рожденных по воле Зевеса.

Песнь VI.

Если всемогущий Зевес, и людей, и богов повелитель,
Хочет на смертнорожденных наслать беспощадную кару,
Он быстроногой Ириде вещает крылатое слово:
«Встань, отправляйся, Ирида, за палочкой брюшнотифозной».

Тотчас посланница Зевса, оставив пределы Олимпа,
Вниз устремляется быстро, в каком-нибудь трегере старом
Палочку эту находит и та, по велению Зевса,
В струи воды питьевой, в молоко, пищевые продукты,
Тотчас проникнет, чтоб смертных вести к берегам Ахерона.
Долго не ведали люди причины опасности грозной –
Budd, Murchison, Pcttenkoffer и много других хитроумных
Тщетно пытались разведать, откуда идет неприятель,
Тщетно пытались его одолеть измышленьями духа.
Палочка тифа брюшного смеялась над мудростью смертных.
Все ж, по велению Рока, на свет ее вывели скоро –
Тщетно она укрывалась в глубинах кишечных и в тканях,
Или, как нимфа, таилась в воде многошумных потоков –
Eberth`а око узрело ее в селезеночных недрах.
Вскоре и в чистой культуре, полученной Gaffky премудрым
Палочка тифа на суд перед Гигией славной предстала.
Смертные с этой поры, по советам премудрой богини,
Кои вещала она через Koch`а и прочих авгуров.
С палочкой брюшнотифозной войну начали без пощады.
Ей не укрыться теперь от пытливого смертного ока –
Методы Ficker`а, Muller, пластинки Driqalski-Conradi,
Разные хитрые средства пускаются смертными в дело,
С тем, чтобы палочку тифа заставить назвать свое имя,
Злую природу свою и коварные замыслы выдать.
Если же их не довольно, чтоб вынудить это признание,
Иммунитета реакции дело сие завершают.
Близок желанный момент над врагом осажденным победы,
Будет некогда день – и пройдет эпидемии тифа.

Песнь VII.

В мрачных долинах Эреба, где бледная Смерть обитает,
Там, где тоскуя о Фебе, блуждают печальные тени,
Там, где рождается Ужас и гибель готовится смертных –
Там обитает во мраке и сонмище грозных болезней,
Кои насильно людей увлекают в селенья Эреба
Так, как суровый властитель Аида увлек Прозерпину,
Тиф, и Чума, и Холера, и Оспа, и злая Чахотка,
Сап, Дифтерит, Скарлатина, Проказа, Сибирская Язва.
Грозный Столбняк и другие, ужасны, как облик Медузы,
Тесной толпою стоят у порога, ведущего к смерти –
Noctes atque dies patet atris janua Mortis.
Ныне воспой же, о Муза, семью вибрионов холерных,
Мрачных посланников Смерти, жестоко терзающих смертных.
Словно брамины, они обитают священные земли,
Кои могучим потоком таинственный Ганг омывает.
Племя браминов однако всегда остается в отчизне,
А вибрионы порой посещают и суетный Запад,
Часто подолгу гостят, особливо в Российской столице,
Плавают в Невской воде, в городских поселяются фильтрах.
Вместе с водой питьевойю они проникают в кишечник,
Там остаются надолго, скрываются в желчных протоках,
Вновь поступают оттуда в клоаки и сточные воды,
Вновь неуклонно идут через трубы заборные в фильтры.
Так продолжается это, пока круговая дорога
Им не наскучит самим и тогда вибрионы холеры
С гостеприимной столицей сердечно простившись на время,
Вновь отбывают к себе, в заповедные страны Востока,
А обыватель российский глядит, головою качает,
Смотрит подолгу им вслед и задумчиво чешет затылок...
Ибо Российские земли весьма велики и обильны,
Но, по решению Мойры, от веку не знали порядка.

Песнь VIII.

Словно узор облаков в синеве бесконечного неба,
Или морские валы на поверхности царства Нептуна,
Внешний меняется облик в семье вибрионов холерных.
Часто похожи они на дугу, по которой Ирида,
Вестница Зевса, спускалась на землю с вершины Олимпа.
Часто они вырастают в прекрасные длинные нити,
Или же образ приемлют чуть согнутых палочек тонких.
Быстрой подвижностью их наделило веление Зевса –
Если, презрев затрудненья и стекло испортив десяток,
Смертной руке удастся окрасить, как следует, жгутик –
Станет тотчас же понятной и ясною тайна движенья.
Так же, как палочка Coli, индол вибрион образует;
Если ж в питательных средах имеются также нитраты,
Жадно у них кислород вибрион отнимает холерный,
Их превращая в нитриты, и эти нитриты с индолом,
С серной дают кислоту прекрасный пурпурный оттенок,
Вроде того, что дает в небесах розоперстая Эос,
Cholera-rot называют реакцию дивную эту,
Коя полезна весьма для диагноза сих вибрионов.
Прочие признаки их, к сожаленью, весьма ненадежны.
Omnia mutantur, и различные свойства бактерий
Так как все, что живет, повинуются истине этой.
Много мужей хитроумных старались способ измыслить,
Чтоб запятые холеры среди прочих узнать вибрионов –
Эта загадка решается каплею крови иммунной.
Если прибавить ее на стекле к вибрионам холерным,
Кои беспечно резвятся, как рой мотыльков беззаботных,
Тотчас они цепенеют, объятые страхом внезапным.
Быстро теснятся друг к другу, забыв оживленье и радость,
Помня в момент роковой лишь завет – в единении сила.
Агглютинацией этот чудесный процесс называют.
Он защищает бактерий, и он выдает их натуру.
В пестрой семье вибрионов однако иные умеют
Так свою сущность сокрыть, что узнать их порою не легче,
Чем вседержителя Зевса во образе лебедя Леды,
Или в дожде золотом, осыпавшем жилище Данаи,
Иль в белоснежном быке, похитителе юной Европы.

Песнь IX.

Ныне, о Муза, воспой дифтеритную палочку злую,
Коя невинных младенцев уносит в селенья Аида,
Коя толпу матерей безутешно рыдать заставляет,
Так, как рыдала Гекуба над Гектором – гордостью Трои.
Loffler`а славное имя дано этой палочке грозной,
Коя коварно таится в носу или в слизи миндалин,
В полости зева и рта и порою в гортань проникает,
Круп порождая жестокий, грозу матерей безутешных.
Часто и в зеве здоровых, личину приняв сапрофита,
Гостья живет роковая, невидимо сея заразу, -
Так волоокая Гера, принявшая облик старухи,
К юной Семеле проникла, неся беспощадную гибель.
Палочку эту нетрудно узнать среди прочих бактерий
Пышно она вырастает на Loffler`а серум-агаре,
Ибо белки ей приятны, как плоть человека циклопам.
Если по способу Neisser`а палочку эту окрасить,
Можно в ее протоплазме увидеть красивые зерна
Темного синего цвета, и зрелище редкое это
Быстро решает вопрос об ее настоящей природе.
В разных питательных средах и в лоне живом организма
Палочка эта готовит жестокие сложные яды,
Словно колдунья Локуста по грозным веленьям Нерона.
Много бессмертных мужей дифтеритный токсин изучали –
Ehrlich, и Behring, и Roux, и японский мудрец Kitasato,
Много трудов посвятили решению этой задачи.
Зевс увенчал их усилья, успех им пославши желанный –
Этот токсин изучив и введя его лошади в вену,
Смертным они даровали чудесный спасительный serum,
Силою знания сумев одолеть дифтерит беспощадный.
Слава премудрым мужам и священному знанию слава!

Песнь X.

В дни золотые Сатурна, когда безмятежно и тихо
Смертные радости жизни вкушали душой благодарной,
Чистые сердцем и духом, под кротким и благостным небом –
Был им неведом порок и неведомы были болезни.
После сверженья Сатурна настало тяжелое время –
Век серебра и железа сменил благодатный период –
Зло, и насилье, и ложь, и amor sceleratus habendi
Смертных наполнили душу, - и бедность, и голод, и холод
Двери широко открыли семье беспощадных инфекций.
Первой чахотка явилась, костлявая, мрачная, злая
С целою свитой угрюмой – упорным мучительным Кашлем,
Злой Лихорадкой упорной и Гемоптизией зловещей.
Все уголки на земле посетила жестокая гостья.
Сея свои бугорки в организме намеченной жертвы,
Их превращая затем в казеозные массы, в каверны,
Всюду с собою неся вырождение, и скорбь, и страданье.
Если мокроту больных обработать по способу Ziehl`я,
Можно среди разных других метиленово-синего цвета
Красные палочки видеть, причину и корень страданья.
Палочки эти растут на различных питательных средах,
К коим полезно прибавить иль serum`а иль глицерина.
Туберкулин был впервые добыт из подобной культуры
Мудростью славного Коха, но тщетными были надежды
В нем исцеленье найти, и врага одолеть рокового.
Ныне он служит нередко разведчиком в поле сраженья –
Ежели злой неприятель, чужому невидимый взору,
Вылазку сделать готовый, коварно в тиши притаится,
Туберкулин открывает присутствие вражеской силы,
Может быть, день недалек, когда сила победная знанья
Туберкулез одолеет, как тучегонитель – Кронион
Мощной десницей своей одолел непокорных титанов.

Песня XI.

Вместе с угрюмой Чахоткой из сумрачных недр Ахерона
Смертным несет вырождение другая болезнь роковая –
Сифилис, кара людей, поругавших святыню Эроса,
Тот, чье название грязнит Афродиты божественной имя.
Было некогда время, и власть златокудрой Киприды
Всем признавалась живущим, и самые боги Олимпа
Радостно ей подчинялись, и всюду под небом Эллады
В славу богини неслись созвучья ликующих гимнов.
Люди не знали уродства, и все под сияющим небом
Было полно красоты, красоту признавало законом.
Ныне же светлое имя, символ красоты лучезарной,
Скверным болезням дают, оскорбляющим чувство и разум,
Кои несут спирохеты и рать гонококков коварных.
Грозен и страшен кортеж, что приводит с собой Спирохета –
Твердая язва, розеола, папулы, гуммы и язвы,
Общий артерийсклероз, поражения нервной системы –
Все угрожает тому, на кого беспощадная Lues
Грозной рукою своей наложила печать роковую.
Долго незримой для всех оставалась сия Спирохета –
Ныне же козни ее обнаружены Schaudinn`ом мудрым.
Ряд хитроумных мужей на нее устремился походом –
Средство нашел Wassermann обнаруживать сифилис скрытый,
Мечников, славой покрытый, прививши болезнь обезьяне,
Путь, наконец, проложил к разрешению многих загадок –
Ныне же Ehrlich премудрый войну объявил спирохете,
Ей посылая навстречу убийственный яд Сальварсана.
Может быть, время настанет, и вновь среди смертнорожденных
Сифилис будет неведом, не будут невинные дети
Жизнью своей и здоровьем платиться за деда пороки!
Имя Венеры восстанет в своем несравненном сиянье –
Смертным богиня простит оскорбление былое и снова
Луч красоты засияет над миром с улыбкой Киприды.

Песнь XII.

Если, ведомое Марсом, вторгается грозное войско
В край чужеземных народов, не знавших убийственной брани.
Тотчас они собирают в несчастье последние силы,
Чтобы из милой отчизны прогнать неприятеля злого.
Долго среди них остается о грозном нашествии память,
Долго не могут они возвратиться к былому покою,
Но закаленным в боях уж неведомо чувство боязни.
То ж с организмом бывает, узнавшим инфекцию злую –
Он остается иммунным, и если агент патогенный
Снова проникнуть дерзает в его заповедные недра,
Тотчас же против него ополчаются грозные силы –
К ним авангардом несется могучая рать фагоцитов,
Кои, себя забывая, навстречу опасности грозной
Первыми всюду стремятся, сражаясь за общее благо,
Чтобы врага одолеть или доблестной смертью погибнуть.
Долго их славная роль оставалась неведомой смертным –
Мечников первый поведал про подвиги скромных героев,
Сих фагоцитов чудесных, поборников общего блага.
Им помогают немало в борьбе роковой опсоины,
Кои лишают врага дерзновенного всякой отваги.
Новых и новых борцов организм высылает иммунный –
Агглютинины идут, превращая в недвижные кучи
Толпы врагов, за минуту кипевших отвагой и мощью,
Грозно лизины идут, комплемент призывая с собою, -
Сам он бессилен в борьбе, но несет драгоценную помощь,
Тотчас бледнеть начинают враги, уподобившись тени,
Тихо бледнеют и тают, бесславную гибель приемля.
Чудны явления, кои свершаются в теле иммунном,
Кои сумели прозреть гениально-пытливые очи.
Полно великих чудес беспредельное царство бактерий,
Кои, невидимы глазу, без устали жизнь созидают
Или же гибель несут. – Но победная сила науки
Их постепенно лишает возможности сеять страданье.
Слава священной науке, к богам приближающей смертных!

Л.М. Горовиц